

УДК 316.75(470+571)

В.В. Петухов

ЦЕННОСТНАЯ ПАЛИТРА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: «ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАША» ИЛИ ПОИСК НОВЫХ СМЫСЛОВ?

ПЕТУХОВ Владимир Васильевич — руководитель центра комплексных социальных исследований ИС РАН, зам. председателя Научно-экспертного совета ВЦИОМ. E-mail: petuhovvv@mail.ru

Наша страна за последние 20 лет претерпела существенные изменения и сталкивается уже с совершенно иными проблемами и вызовами, чем ранее. Причем они затронули не только экономику и политику, но и образ жизни значительных слоев населения, их восприятие окружающей реальности. Вопреки представлениям некоторых экспертов о неизменной природе «российско-советского» человека, ценностная палитра современного российского общества тоже заметно изменилась. Анализу сдвигов в мировосприятии россиян, их идейно-политических установок посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: ценности, государство, свобода, порядок, справедливость, демократия, равные возможности.

Исследования последних лет показывают, что становление нового экономического и социального уклада жизни сопровождалось, может быть, не очень заметными, но весьма значительными изменениями идейно-политических и мировоззренческих установок россиян. *Общий вектор этих изменений — деидеологизация и деполитизация общественной жизни*, что, однако, не привело к формированию общественного консенсуса даже по базовым ценностям.

Идейно-политические различия, еще 10 лет назад раскалывавшие общество, сместились на периферию и сегодня воспринимаются россиянами как менее важные, чем межпоколенческие, межнациональные, межконфессиональные, не говоря уже о социальных дифференциациях. Это связано, во-первых, с утратой политиками и идеологами монополии влияния на умы людей. В настоящее время серьезную конкуренцию им составляет индустрия развлечений и массовой культуры, которая продвигает собственные мировоззренческие конструкты и образы, модели поведения, оказывающие в силу своей эмоциональной окрашенности большее влияние на людей, чем привычные формы работы с массами, используемые политиками и политическими партиями.

Во-вторых, нынешним политическим партиям, которые представляют собой в основном самоорганизацию «элитных групп», все с большим трудом удается функция идеологической и политической идентификации, так как старый спор между левыми и правыми истощил свою способность прояснять проблемные темы и предоставлять

© Петухов В.В., 2011

достоверную картину реальности.

В-третьих, не сбылись надежды многих либерально мыслящих аналитиков на то, что поколение «нового среднего класса» самостоятельно начнет формировать не только потребительские, но и качественно новые политические, общественные ценности.

Тем не менее в современной России сохраняются разномыслие, ценностные и идейно-политические противоречия, которые, возможно, не так остры, как 10–15 лет назад, но оказывают серьезное влияние на жизнь страны. Есть и представление о желаемой модели справедливо организованного общества, которое сформировалось еще в перестроечные времена и сохранило удивительную жизнеспособность.

Как известно, в конце 80-х гг. в общественном сознании возобладал некий умозрительный идеал, сконструированный из фрагментов, с одной стороны, советской системы (социальная справедливость, государственный патронаж и т.п., но без коммунистической идеологии), а с другой — из отдельных норм и принципов, заимствованных из западного образа жизни (рыночная экономика, высокий жизненный стандарт, свобода выезда, свобода печати, выборность органов власти и т.п.). И сегодня, судя по результатам исследований, наилучшей моделью для России признается строй, который «вобрал» в себя все лучшее из социализма и капитализма и отбросил «язвы» того и другого.

Но если в конце 80-х – начале 90-х гг. образ справедливого государства был смещен в советское прошлое и его можно было охарактеризовать как «либерализированный брежневизм», то сегодня идеалом большинства россиян является *российский аналог государства всеобщего благоденствия, органически сочетающий, с одной стороны, активную роль государства в экономике, сильную систему социальной защиты, а с другой стороны — невмешательство государства в частную жизнь граждан, политические и гражданские свободы*. Совершенно ясно, что дистанция между этим идеалом и реальностью постсоветской России, особенно в 90-е гг., была огромной.

Но и в «тучные нулевые», несмотря на возросшие экономические возможности государства, никто, в том числе и высшая власть, всерьез не ставил вопрос об «обществе равных возможностей», как о цели посткоммунистической трансформации России. Между тем в условиях мирового кризиса капитализма, причем не только экономического, но и мировоззренческого, власть могла бы стать основой общественной консолидации, формирования новой «повестки дня» для России в XXI в. Концепт «общества равных возможностей», или российский аналог государства всеобщего благосостояния, и соответствующая ему практика актуальны для России еще и потому, что позволят преодолеть не только последствия «командного социализма», но и «дикого капитализма» 90-х, хотя бы в какой-то степени легитимировать базовые принципы рыночной экономики. Ведь ни для кого не секрет (и это подтверждают все опросы), что сложившаяся в России экономическая система значительной частью населения воспринимается как чуждая и глубоко несправедливая. Критические аргументы, согласно которым существующее в ряде стран Западной Европы государство всеобщего благосостояния усиливает иждивенческие патерналистские настроения в обществе, вряд ли применимы к современной России. Возможно, лет через 30–40, когда уровень доходов и социальной защиты населения приблизится к европейским образцам, можно будет всерьез начать разговор об издержках «социального государства».

Для практической реализации данной идеи крайне важно не декларативное, а реальное обеспечение гражданам свободы выбора, когда индивиды, имеющие разный

социальный опыт, различную систему ценностей, разные жизненные стратегии, могли бы сами выбирать сферу и способы приложения своих усилий. Также необходим, особенно в момент выхода из кризиса, *перезапуск «затухающего механизма» социальной мобильности, создание по-настоящему конкурентной среды*. В настоящий период почти 80% населения находятся между полюсами богатства и бедности. Причем к среднему классу можно отнести лишь четверть (в крупных городах — треть) работающего населения России. Все остальные, а это почти половина населения страны, представляют собой весьма специфический и пока мало изученный феномен, который можно с одинаковым успехом назвать «средним слоем», а можно — «малообеспеченным слоем». За последние годы самыми быстрыми темпами росли доходы госслужащих, работников правоохранительных органов и военных, а также менеджеров «среднего звена». И лишь в самое последнее время к ним стали «подтягиваться» представители таких массовых профессий, как врачи, учителя, преподаватели вузов. В результате мы имеем совершенно противоестественную ситуацию: огромное имущественное расслоение между полюсами с одновременным отсутствием стимулирующей мобильности социальной дифференциации в рамках «срединного» большинства.

В этой связи приоритетна двуединая задача — борьба с бедностью и одновременно рост социальной дифференциации в рамках среднего слоя с тем, чтобы в его составе появились более отчетливо выраженные страты: «высшая», «средняя», «низшая» и т.д. Также необходима реанимация в какой-то форме традиционной российской интеллигенции, поскольку России, для того чтобы стать по настоящему современной страной, необходим статистически значимый слой людей, ориентированный в своих жизненных практиках на ценности самореализации, или, если использовать выражение Р. Инглхарта, на «постматериальные ценности».

Итак, для вывода России на новую траекторию развития, достижения общественного согласия нужна «не радикально-элитарная, а демократическая модель либерализации, ограничивающая рост социального неравенства и устраняющая такие его формы, которые воспринимаются обществом как несправедливые. Либеральному принципу частной инициативы и предприимчивости необходим противовес — коммунитарный принцип общего блага, социальной справедливости и общественной солидарности» [1].

Реализовать эти принципы, однако, будет крайне сложно. И не только потому, что власть не заинтересована в этом. Само общество, по мнению некоторых исследователей, таково, что *многие люди сегодня отторгают идею общего блага, солидарности и справедливости*. «Потребительская революция», по мнению В. Дегоева, привела к тому, что началось одновременно и целенаправленное и стихийное выращивание, если не сказать клонирование, того, чего так боялись западные интеллектуалы 1960–1970-х гг. — «одномерных людей». Речь идет об особом социальном типе законченного индивидуалиста, воспринимающего окружающую среду только как субстанцию, существующую для удовлетворения его растущих, преимущественно гедонистических, запросов. Ему чужды высокие идеалы и интерес ко всему, что не касается его непосредственно. Для власти имущих он очень удобен прежде всего своей управляемостью, но лишь до тех пор, пока первые в состоянии обеспечить этому типу привычные для него материальные стандарты существования. В противном случае он может агрессивно потребовать от правительства вернуть ему тот комфортный и бессмысленный мир, в котором он себя чувствовал почти идеально. Дегоев делает неутешительный вывод, что племя «одномерных людей» нарождается стремительно и, возможно, процесс деидентификации, обезличивания и

раскультурирования народа приближается к той точке, где он приобретает необратимый характер [2].

По мнению Дегоева, и не только его, главной жертвой развития капитализма в России оказались ценности свободы и гражданской ответственности. Однако хлесткие суждения о социокультурной заданности нынешнего облика среднестатистического россиянина эмпирически подтверждаются далеко не всегда.

Так, индивидуализм, тяга многих наших сограждан к хаотичному потребительству, замыканию в частной жизни и т.п. являются реакцией на окружающую действительность, к которой человек вынужден относиться либо как к угрозе, либо как к чему-то, на что он не в состоянии оказать никакого влияния. В современном мире, отмечает З. Бауман, никакая работа не может быть гарантирована, никакое положение не является прочным, никакая специальность не имеет устойчивой ценности. Права человека в их современном положении не обеспечивают права на работу, сколь бы хорошо она ни выполнялась, или права на заботу и внимание, соразмерные прошлым заслугам. Уровень жизни, общественное положение, признание полезности и права на собственное достоинство могут исчезнуть все вместе и без предупреждения [3]. Заметим, что это говорилось о современном западном обществе за несколько лет до мирового финансового кризиса. Что же говорить о России, где негативные стороны массового потребительского общества проявились раньше, чем его достоинства. Разговоры о «потребительской революции» в России, где лишь чуть больше половины населения страны может позволить себе не задумываться о «хлебе насущном», а лишь 13% — удовлетворять большинство своих потребительских притязаний, выглядят явно преувеличенными.

Безусловно, есть «вторая» — телевизионная — реальность, где такое общество давно уже существует и культивирует соответствующие мировоззренческие установки, модели поведения, которые приобретают характер общепринятых, а звезды телевидения, кино и шоу-бизнеса становятся нравственными и поведенческими маяками, образцами для подражания, особенно для молодежи. Но и в этом случае говорить о тотальном падении нравов и уж тем более о моральной деградации россиян нет оснований. Так же как и о том, что у них отсутствуют чувство гражданственности, стремление найти в окружающем мире себе подобных, в том числе разделяющих те же ценности и идеалы, что и они.

Другое дело, что поиск новой идентичности, новых смыслов, сегодня сопровождается вплетением идейно-политических установок в контекст других, прежде всего социально-экономических идентификационных факторов. «Революция ожиданий» закончилась очень быстро, в начале 90-х гг., и все последующие годы происходил постепенный отказ от априорной веры в какие-либо идеологически окрашенные проекты жизнеустройства. Абстрактные формулы — либерализм, социализм, рыночная экономика и т.п. — давно уже не ласкают слух наших сограждан. Это дает основание некоторым исследователям делать вывод о крайней эклектичности мировоззренческих установок россиян. Например, Д. Фурман утверждает, что причудливость, запутанность нынешней ситуации в стране и непредсказуемость нашего политического будущего — это, в конечном счете, порождение хаотичности, «кашеобразности» нашего массового сознания, не способного ни жить в условиях демократии, ни отказаться от нее, поскольку никаких альтернативных моделей у него нет. Сейчас оно застыло в ожидании, что решит начальство. Но в сознании начальства — те же противоречивость и неопределенность. Оно само не знает, куда плыть [4]. Однако более внимательный анализ, прежде всего данных эмпирических исследований, позволяет утверждать, что в этой идеологической «каше» есть определенная логика и иерархия

смыслов, конечно, очень далекая от привычных доктринальных идеологических схем, с которыми привыкли работать профессиональные политологи.

Это, в частности, видно из результатов исследований ВЦИОМ 2004–2009 гг., в ходе которых респондентам предлагалось высказать свое отношение к понятиям, представляющим собой ценностную палитру современной российской жизни. Среди терминов, вызывающих наиболее позитивные чувства, сегодня лидируют «порядок» (58%), «справедливость» (52%), «стабильность» (49%), «труд» и «свобода» (по 40%). За последние три года заметно актуализировались такие понятия, как «стабильность», «труд», «успех», «права человека» и «церковь». Это еще раз подтверждает тот очевидный факт, что россияне мыслят не доктринально, что они рассматривают понятия свободы, материальной обеспеченности, справедливости и порядка не как бинарные конфликтующие оппозиции, а как ценности, в равной степени необходимые для нормальной жизни страны и каждого отдельного человека (таблица 1.).

Таблица 1 Отношение россиян к ключевым ценностным установкам (закрытый вопрос, доля респондентов, испытывающих к перечисленным понятиям положительные чувства), %

Ключевые ценностные установки	Март 2004 г.	Март 2007 г.	Апрель 2009 г.
Порядок	61	58	58
Справедливость	53	49	52
Стабильность	40	38	49
Труд	33	31	40
Свобода	43	37	40
Успех	28	31	38
Достаток	30	37	37
Права человека	29	33	36
Русские	34	34	35
Патриотизм	40	35	34
Россия	23	28	28
Церковь	14	21	27
Государство	27	26	25
Равенство	15	18	24
Традиция	20	29	21
Мораль	17	22	20
Прогресс	12	15	18
Нация	21	21	16
Демократия	19	15	15
СССР	10	12	14
Богатство	11	12	13
Собственность	8	14	11
Социализм	12	12	10
Бизнес	7	7	8
Рынок	13	10	7

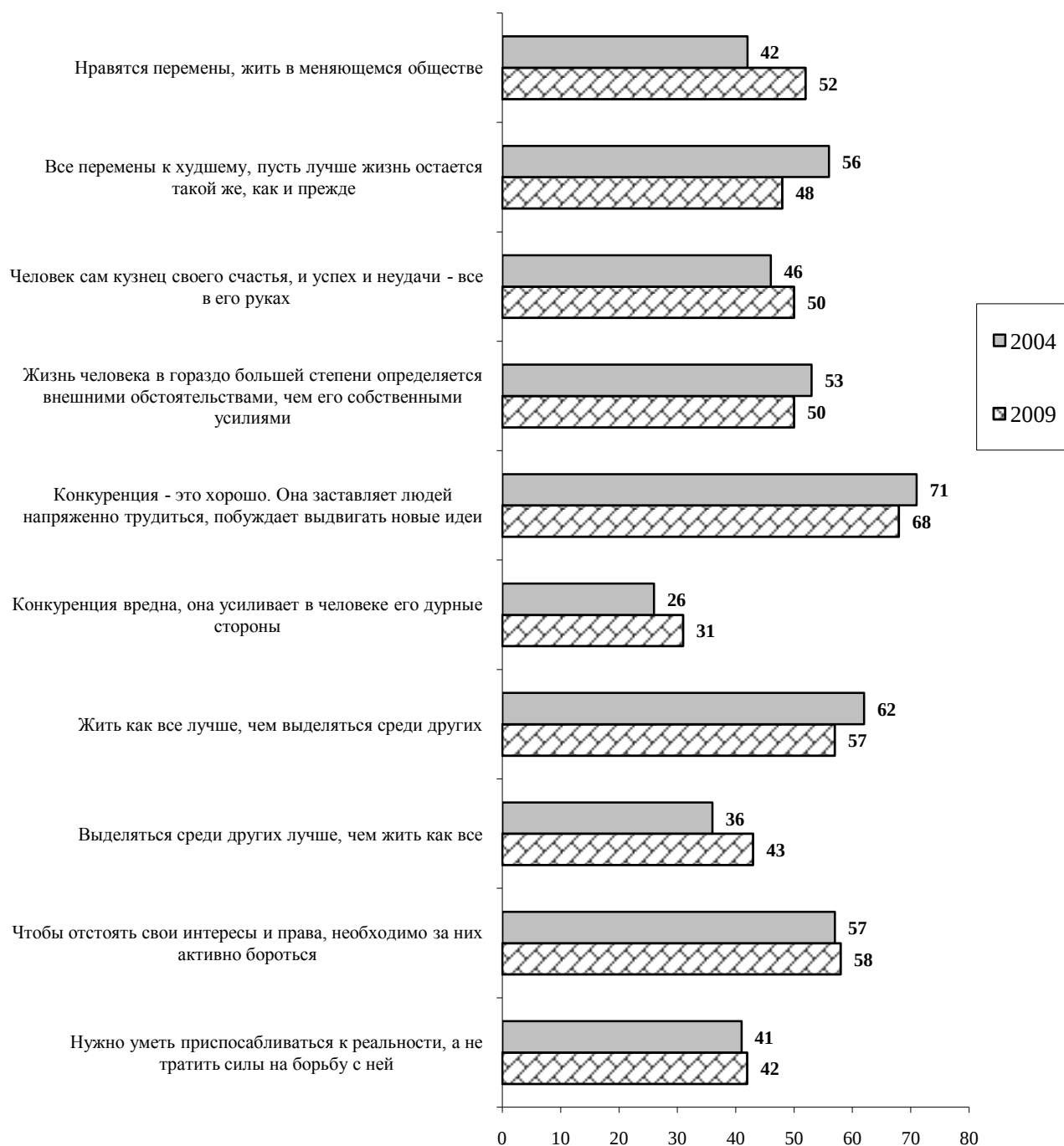
Продолжение таблицы 1

Коммунизм	8	7	7
Власть	9	9	6
Коллективизм	5	6	5

Индивидуализм	1	2	4
Реформа	3	6	3
Запад	4	3	2
Революция	1	1	2
Либерализм	1	1	1
Оппозиция	2	1	1
Капитализм	1	0	1
<i>Источник: Мониторинговые исследования ВЦИОМ.</i>			

В то же время чем более «идеологически нагруженным» является то или иное понятие, тем большее неприятие оно вызывает. Это относится как ко всему «пакету» смыслов «левой» коммунистической идеи, так и к либеральным и идеологическим ценностям. В частности, наибольшее отторжение у россиян вызвали такие понятия, как «коммунизм» и «капитализм». И это понятно, поскольку за этими короткими словами стоит не только своя традиция, но и реализованный в той или иной степени социальный проект. Россияне не имеют ничего против, например, рыночной экономики и демократии, но их категорически не устраивала и не устраивает «российская версия» капитализма. Прохладное отношение многие россияне демонстрируют и к знаковым понятиям «левой идеи» («СССР», «коммунизм», «революция» и т.д.), что свидетельствует о том, что и опыт «построения социализма» в России видится отнюдь не в ностальгических тонах. И в этом отношении Д. Фурман отчасти прав.

Об особенностях восприятия россиянами демократических ценностей речь еще впереди, а пока хотелось бы отметить серьезное влияние поведенческих практик на состояние умов разных групп населения, на их мировоззренческие установки. Так, причудливое переплетение традиционалистских и современных компонентов в сознании и поведении россиян создает большие сложности и «ловушки» для анализа, когда сплошь и рядом приходится сталкиваться с ситуацией заметного расхождения между декларируемыми ценностями и жизненными стратегиями, поведенческими моделями. Например, значительное число людей в своей повседневной жизни демонстрируют (а декларируют еще чаще) такие качества, как деловитость, изобретательность, активность, а также открытость для нового опыта, рациональность мышления, т.е. качества современного человека, базирующиеся на вполне прагматической основе. Так, за последние годы выросло число россиян, заявляющих, что им интересно жить в постоянно меняющемся обществе, что человек «сам кузнец своего счастья», что они не хотят жить как все, не выделяясь из окружающей среды. Большинство наших сограждан не пугает конкуренция, которая, по их мнению, побуждает людей напряженно трудиться и даже необходимость бороться за свои права и интересы (см. рис. 1).

Источник: Мониторинговые исследования ИС РАН.

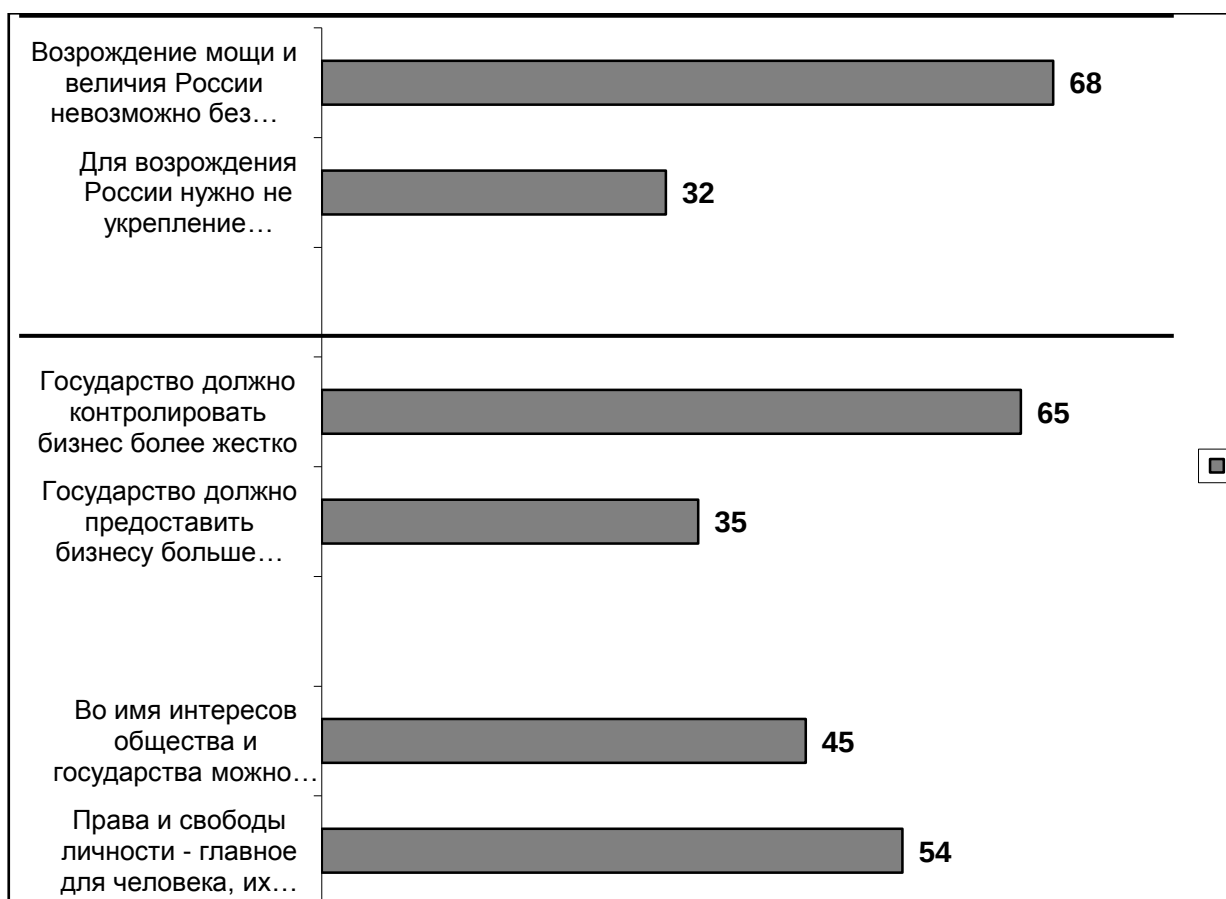
Рисунок 1 – Отношение россиян к суждениям, касающимся различных жизненных ситуаций (закрытый вопрос, один ответ по каждой позиции), %

Но как только заходит речь о русском национальном характере, исследования воспроизводят традиционные представления, согласно которым русские — добрые, смелые, доверчивые, отзывчивые, но одновременно ленивые, расхлябанные, необязательные. Таких людей действительно немало, однако делать из этого далеко идущие выводы о России как о стране инертных людей, у которых доминируют исключительно патерналистские установки, нет серьезных оснований. В этом плане любопытна зарисовка, сделанная известным политологом В. Гельманом при посещении в середине 90-х гг. одного старинного

провинциального города. Внешний облик этого городка удивил своей неухоженностью, захламленностью и замусоренностью. Когда же он поделился своими наблюдениями с местным начальством, то в ответ услышал, что первопричиной такого положения дел является местная культура, исторически сложившиеся традиции. Однако посетив этот город вновь через несколько лет, В. Гельман увидел разительную перемену — город стал намного чище. Оказалось, что горожане избрали нового мэра, который сумел наладить эффективную работу коммунальных служб. Местная культура, по всей видимости, этим реформам не препятствовала. В связи с этим автор задает вполне резонный вопрос: может быть, нашей стране пора перестать сетовать на непреодолимость культурного «наследия прошлого», а просто учиться выбирать достойных правителей и создавать эффективно работающие институты [5]?

Сказанное вовсе не означает, что нет никаких специфических особенностей мировосприятия россиян, их поведенческих практик, связанных с обстоятельствами жизни страны последних 15–20 лет. Это прежде всего относится к такому ключевому для российской ментальности понятию, как **государство**. Здесь особенно рельефно проявляются метания среднестатистического россиянина, который с одной стороны побаивается и даже не любит государство, а с другой стороны, помнит, чем закончился его «уход», а иногда и «бегство» из экономики и социальной сферы в 90-е гг. Вот как описывал ситуацию в России в те годы американский политолог С. Холмс в статье с характерным названием «Как слабость государства угрожает свободе»: «...зрелище политической дезорганизации в посткоммунистической России напоминает о глубокой связи между либерализмом и действенной государственной системой. Представление об автономных личностях, которые могут свободно осуществлять свои права, только бы к ним не приставало государство, опровергается тревожными реальностями новой России. Российское общество можно уподобить сломанным песочным часам: верхи не эксплуатируют и не угнетают низы, даже не управляют ими — они их просто игнорируют» [6].

Именно поэтому нашим согражданам крайне важной представляется проблема, которая многим кажется неразрешимой — *как соединить идеи демократии, свободы, справедливости с идеей государственности, а ее в свою очередь трансформировать в эффективную дееспособную власть*. Большинство из них, как видно из нижеприведенных данных, убеждено, что Россия не сможет восстановить свою былую мощь и могущество, в том числе и на мировой арене, без укрепления государственных институтов. Одновременно с этим россияне дорожат обретенным правом на частную жизнь и не хотят, чтобы государство в нее вмешивалось. Не имея ничего против еще более жесткого, чем сегодня, контроля государства за бизнесом, большинство опрошенных (54% против 45%) включают государству «красный свет», если во имя каких-то высших интересов могут быть ограничены права и свободы граждан (см. рис. 2.).

Источник: исследование ИС РАН «Падение берлинской стены: до и после» 2009 г.

Рисунок 2 – Суждения россиян о роли и месте государства в жизни общества (закрытый вопрос, один вариант ответа в каждой из бинарных оппозиций), %

Итак, в обществе подспудно тлеет конфликт по поводу различного восприятия государства. Если для одних это по-прежнему категория «высшего порядка», своего рода «сверхценность», то для других главное — его «сервисные функции» (социальная защита, система здравоохранения и образования, судебная система и т.п.).

Эти расхождения во мнениях, судя по всему, будут только нарастать, поскольку на фоне патриотической риторики о величии России, события лета-зимы 2010 г. отчетливо продемонстрировали бессилие и федеральных, и местных властей в борьбе с пожарами, пробками на дорогах, хаосом в аэропортах, веерным отключением электроэнергии и т.п. Причем все это происходит на фоне постоянно растущей армии чиновничества — от сотрудников ГАИ до налоговых инспекторов, от партийных командиров до региональных князей.

Однако как только люди начинают высказывать недовольство деятельностью тех или иных властных структур, тут же заводится старая «песня» об извечном патернализме россиян, об их «собесовском» восприятии государства. Между тем подавляющее число россиян уже давно, еще в 90-е научились жить и решать свои проблемы вне и помимо государства. Единственное, чего они хотят, так это обещанного еще 10 лет назад порядка, законности и справедливости.

Все возрастающую роль в понимании того, каким должно быть современное российское государство, начинает играть **«внешний фактор»**, а именно восприятие

россиянами окружающего мира и места России в нем. К началу 2000-х гг. сложились основные смысловые тренды, определяющие внешнеполитические приоритеты страны. Прежде всего был преодолён характерный для 90-х синдром самоуничижения, восприятия России как побежденной в холодной войне страны, деградирующей экономически и политически. Стала расти уверенность наших сограждан в том, что страна обретает все больший международный политический вес, что к ее мнению начинают прислушиваться.

Появилось осознание целого ряда новых угроз и вызовов, а также нарастающего внешнеполитического «одиночества» России, чего не было и не могло быть во времена Советского Союза. Отсюда — не только интерес к окружающему миру, но и отчетливо выраженная потребность усилить внешнеполитические позиции нашей страны; особенно когда пришло осознание степени вовлеченности России в глобальную экономику, при которой даже незначительные колебания нефтяных цен мгновенно сказываются на «толщине кошелька» каждого отдельного человека.

Как свидетельствуют результаты исследования ИС РАН и Фонда им. Ф. Эберта, посвященного восприятию россиянами новых вызовов и угроз (осень 2008 г.), в российском обществе растет понимание того, что повышение международного влияния страны имеет конкретную «цену» и, вполне вероятно, будет сопровождаться сопротивлением других внешнеполитических игроков, а значит, повышением вероятности новых конфликтов и проблем [7].

Отсюда — прагматизм россиян в выборе возможных геополитических целей, к которым должна стремиться наша страна. Чуть более трети россиян (34%, в 2007 г. — 35%) считают, что такой целью должно быть возвращение России статуса супердержавы, какой был у СССР. Как отмечает в этой связи А. Ципко, основой нового запроса, сформировавшегося в последнее десятилетие, стал «запрос на суверенность, на умение руководить страной так, чтобы сохранять ее достоинство. Это старый русский запрос, он не был так силен в начале 90-х. Сейчас он резко обострился. За ним стоит какое-то внутреннее исконное желание подчеркнуть, что Россия — суверенная страна. Мы живем в современном мире, мы — часть мировой глобальной цивилизации, мы даже в финансовые глобальные отношения можем войти, но нам чрезвычайно важно быть суверенными. А добиться суверенности может только сверхдержава» [8].

Такая точка зрения имеет, как уже отмечалось, в российском обществе много сторонников, но не является преобладающей. Заметно больше тех, кто считает более реалистичной задачу не возвращения Россией статуса супердержавы, а ее вхождение в число 10–15 наиболее экономически развитых и политически влиятельных стран мира. Причем их число даже несколько выросло — с 45% до 48%. Идеи превращения России в региональную державу или вообще ее самоизоляции от внешнего мира сегодня не популярны. Лишь 8% опрошенных предлагают в качестве долгосрочного внешнеполитического ориентира ограничиться лидерством на постсоветском пространстве (в 2007 г. — 6%), а не видят смысла стремиться к каким-либо глобальным целям еще меньше — 7% россиян (см. рис. 3.).

Источник: исследование ИС РАН «Падение берлинской стены: до и после» 2009 г.

Рисунок 3 – Динамика представлений о целях России в XXI в. (2007–2009 гг.) (один вариант ответа), %

В стремлении видеть Россию одной из ведущих держав едины представители всех основных возрастных, образовательных, социально-профессиональных групп. Мыслить в категориях «сверхдержавы» склонны, что вполне естественно, лишь представители старшего поколения россиян. Так, 50% россиян старше 60 лет хотели бы видеть Россию именно как воссозданную сверхдержаву, такую, какой был в свое время СССР. В группе тех, кому не более 20 лет, таких всего 21%, а доминирует мнение, что Россия должна войти в число 10–15 ведущих стран мира (62%).

При этом большинство россиян уверены: для того чтобы претендовать на статус великой державы, нашей стране необходимо модернизировать экономику, сделав ее конкурентоспособной и повысить благосостояние граждан, а уж затем наращивать ее «политические мускулы».

Их, в отличие от многих представителей правящего класса, все меньше привлекает мессианская составляющая величия страны. За возвращение России статуса мирового центра влияния, регулирующего международные конфликты, высказались лишь 6% опрошенных. Примерно столько же хотели бы видеть Россию в качестве «моста» между Европой и Азией, между развитыми странами и третьим миром. Да и перспектива получения контроля, а значит и ответственности над территориями, ранее входившими в СССР, не выглядит привлекательной.

Таким образом, россияне, похоже, надолго отказались от стремления чем-то облагодетельствовать человечество. Им хватает проблем в собственном доме. И внешнеполитические приоритеты определяются ими, прежде всего исходя из нужд и потребностей внутреннего развития страны, тем более что перспективных и реалистичных вариантов интеграции в какие-то новые межгосударственные союзы и образования нет и не ожидается.

Не столь одномерной, как это иногда представляется некоторым экспертам, выглядит интерпретация россиянами понятия **демократии**. С одной стороны, большинство россиян сохраняют приверженность базовым демократическим ценностям и институтам, запрос на

которые сформировались еще в конце 80-х — начале 90-х гг. Более того, судя по нижеприведенным данным, по целому ряду позиций наблюдается даже некоторый рост значимости (по сравнению с 2000-х гг.) реальной выборности органов власти, многопартийности, свободы слова и печати, передвижения, включая выезд за рубеж, предпринимательства (см. таблицу 2). Хотя нельзя не видеть и того, что значительное число россиян (от трети и выше) по-прежнему считают парламент и многопартийную систему «архитектурными излишествами», без которых наше общество легко может обойтись. Понятно, что это в первую очередь связано с особенностями выборных кампаний последних лет, характером деятельности Государственной Думы и представленных в ней политических партий.

Таблица 2 Динамика оценок респондентами степени важности ряда демократических институтов. %

Что представляется для Вас важным, а что неважным в современном российском обществе?					
Демократические институты	1997 г.	2000 г.	2003 г.	2007 г.	2010 г.
Многопартийность					
Важно	39	26	29	36	41
Не важно	36	50	50	43	39
Затруднились ответить	25	24	21	21	20
Наличие представительных органов власти (Совета Федерации, Госдумы, др.)					
Важно	50	39	50	50	47
Не важно	20	33	25	28	29
Затруднились ответить	30	28	25	22	24
Свобода предпринимательства					
Важно	63	57	62	58	65
Не важно	16	22	19	23	15
Затруднились ответить	21	21	19	19	20
Свобода слова и СМИ					
Важно	86	77	75	70	75
Не важно	5	10	12	17	11
Затруднились ответить	9	13	13	13	14
Свобода выезда за границу					
Важно	68	52	56	60	61
Не важно	17	30	30	25	23
Затруднились ответить	15	18	14	15	16
Выборность органов власти					
Важно	76	64	77	70	75
Не важно	9	15	10	15	10
Затруднились ответить	15	21	13	15	15
Источник: мониторинговые исследования ИС РАН.					

С другой стороны, многие исследования фиксируют такое отношение многих россиян к базовым ценностям и институтам демократии, которое можно охарактеризовать, как благожелательный скептицизм. Иными словами, россияне четко разводят свое в целом позитивное отношение к демократии как к идее, воплощающей оптимальную форму организации общественной жизни, и то, как эта идея была реализована на практике. Двадцать пять лет назад, на начальном этапе перестройки, советские люди видели в переходе к демократии надежду на выход из тупика, в котором оказалась страна. Демократия в их тогдашних представлениях — это справедливо организованное общество, надежда на лучшую жизнь. В каком-то смысле эта идея в массовом сознании заместила идею коммунизма. Понятно, что сформировавшаяся в перестроечные времена идеальная модель демократии разошлась с реальностью.

Так, лишь 15% опрошенных полагают, что за последние годы в России утвердилась такая демократия, которая полностью отвечает их представлению о том, какой она должна быть. 37% соглашались с точкой зрения, согласно которой Россия — еще не вполне демократическая страна, но уже в ближайшее время может ею стать. И треть опрошенных уверены, что наша страна так же далека от демократии, как и во времена Советского Союза.

Как следствие, в массовом сознании происходит «селекция» жизненных и ценностных приоритетов, в результате которой ценности демократии и прав человека все чаще перемещаются на периферию общественного внимания, признаются важными, но не настолько, чтобы бороться за их утверждение всеми доступными, легальными способами. Даже в социально-экономической сфере, где ситуация с правами граждан уже не может быть интерпретирована только в категориях социальной дифференциации. Так, в перечне идей, которые могли бы стать основополагающими для модернизационного прорыва, демократическое обновление общества занимает последнее место с 7% голосов поддержки (рис. 4).

Источник: исследование ИС РАН «Готово ли российское общество к модернизации?». 2010.

Рисунок 4 – Мнение россиян о том, какая идея должна стать ключевой для модернизации России (закрытый вопрос, два варианта ответа), %

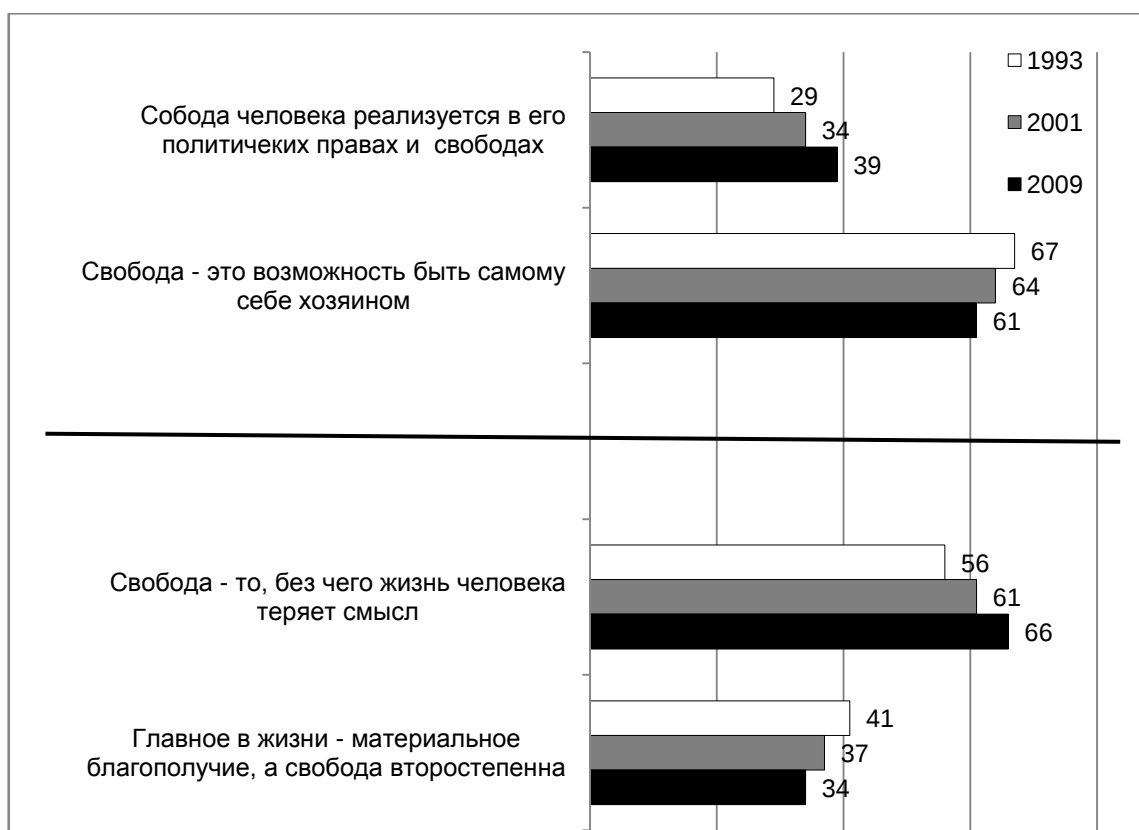
Необходимость синхронизации экономического и социального развития через расширение демократии, повышение общественно-политической активности граждан поддержал лишь каждый десятый опрошенный. Иначе говоря, россияне, не имея ничего против демократии, базовых прав и свобод, тем не менее скептически оценивают их инструментальный потенциал, возможность практического использования демократических принципов и институтов в обновлении страны, в обеспечении динамичного социально-экономического развития, а главное — в улучшении жизни людей.

В России в 1990-е гг. демонтаж советской системы начался и в основном ограничился свертыванием именно социальных основ предшествующего строя. Любые разговоры о том, что, помимо политических прав и свобод, есть еще и социальные, трактовались, особенно на начальном этапе реформ, как чуть ли не призыв к возврату в «тоталитарное прошлое», к модели «социалистической демократии», базирующейся на этатизме и патернализме.

С этой точки зрения *модернизационный проект* не может быть успешным, если самые разные группы населения не увидят перспективы лично для себя и своих близких, с одной стороны, а с другой — общезначимой цели для страны в целом. Если ориентироваться на суть нынешнего массового общественного запроса, то эта цель просматривается достаточно определенно — это, как уже отмечалось, *российский аналог общества равных возможностей, или государства всеобщего благосостояния*.

Весьма неоднозначно отношение россиян и к таким понятиям, как **«свобода», «порядок» и «справедливость»**. Исследования не подтверждают широко распространенную точку зрения, согласно которой русскому национальному сознанию свойственно понимание свободы исключительно как «воли», отражающее стремление быть свободным от любого гнета (государственно-бюрократического, помещичьего, коммунистического и др.). Россияне, безусловно, дорожат обретенным правом на частную жизнь, на возможность жить без оглядки, в том числе и на государство. Даже если это связано с серьезными материальными лишениями. Россияне получили то, чего были лишены на протяжении многих десятилетий — свободу строить свою жизнь так, как хотят. Где работать, как работать, где жить, куда ездить отдыхать, с кем дружить, о чем говорить, какие фильмы смотреть, участвовать или нет в политической жизни — все это для них чрезвычайно важно.

В то же время понимание свободы, проявляемой в гражданских и политических правах, также не чуждо многим россиянам (около 40%). А число опрошенных, интерпретирующих свободу как важнейшую смыслообразующую ценность, постоянно растет (с 56% в 1993 г. до 66% в 2009 г.) (рис. 5).

Источник: мониторинговое исследование ИС РАН.

Рисунок 5 – Отношение россиян к ценности свободы (закрытый вопрос, один вариант ответа в каждой из бинарных оппозиций), %

Иначе говоря, большинство россиян заинтересовано в такой организации общественной жизни, которая позволяет каждому человеку выбирать жизненные стратегии в соответствии с собственными представлениями о том, что для него является важным — политика, семья, работа, творчество, досуг и т. д. И чем больше этих возможностей, тем шире пространство свободы и демократии, и наоборот. Многие аналитики обращают внимание на то, что в настоящее время, даже по сравнению с «лихими» 90-ми, происходит «схлопывание» этих возможностей. Тогда существовал потенциал трудовой мобильности, прежде всего в нарождающемся и еще относительно слабо контролируемом бизнесе. По неофициальным экспертным оценкам, в эти годы почти 40% граждан страны сменили работу или профессию. Жили несравненно беднее, но проблема занятости не была первоочередной. Кроме того, сохранялась некоторые рычаги влияния на политическую жизнь страны, как в центре, так и на местах.

Д. Дондурей обращает внимание также на крайне неблагоприятную ситуацию, связанную с реализацией интеллектуальной, научной и креативной свободы. Необходимо, по его мнению, «культивировать активность, желание и умение пробовать, ошибаться и не впадать в уныние, искать новые шансы, умение находить и усваивать нужные знания всю свою жизнь, а не сидеть, ожидая, что кто-то о тебе позаботится» [9]. И одним Сколковым здесь не обойтись.

Что же касается фиксируемого исследователями общественного мнения запроса на порядок, то за ним лежит отнюдь не социокультурная традиция и уж тем более не вековая рабская психология русских, а реакция на вполне конкретные обстоятельства жизни. В

частности, на хаотичность тех общественных процессов, с которыми сталкивалась страна на протяжении последнего десятилетия. Ведь современная Россия — это классическое общество риска, где появившиеся возможности для самореализации активных групп населения причудливо сочетаются со страхом, несправедливостью и т.п., являющимися в каком-то смысле оборотной стороной обретенной свободы, возможности строить свою жизнь в соответствии с собственными представлениями. Отсюда и *спайка в сознании многих россиян идей свободы и безопасности в надежде на такой социальный порядок, который бы обеспечивал и то и другое*. С этой точки зрения ставить знак равенства между запросом на порядок и запросом на авторитаризм было бы неправильным.

Весьма многозначно и многоаспектно отношение наших сограждан к понятию **«справедливость»**. Эмпирические исследования не подтверждают еще одну распространенную точку зрения, согласно которой российский менталитет отличается склонность к уравнительности, а россияне только и мечтают о том, чтобы «все отнять и поделить». На самом деле количественное соотношение между сторонниками социальной справедливости как равенства стартовых возможностей, равенства всех граждан перед законом и «уравниловки» примерно такое же, как между сторонниками свободы и материальной обеспеченности; это соотношение варьируется в диапазоне 2:1 (см. рис. 6).

Источник: Исследование ВЦИОМ «Политические и мировоззренческие ценности россиян», 2009 г.

Рисунок 6 – Понимание россиянами социальной справедливости (закрытый вопрос, один вариант ответа), %

Актуальность идеи справедливости во многом обусловлена существующим противоречием между этическими установками людей и требованиями социальной среды, когда для достижения жизненного успеха им часто приходится пренебрегать моральными нормами, а иногда преступать закон. И в этом принципиальное отличие российского капитализма от западного, где принятие принципов гражданской морали (civic morality) выступает мощным ресурсом социальной мобильности. «Только исполняя набор

определенных инструкций, действуя (играя и работая) “по правилам”, классический представитель американского среднего класса, — по мнению В. Эшпая, — обретает все свои богатства и свободы [10]». Это, конечно, некоторое преувеличение, тем не менее исследования в Европе и Америке показывают высокий уровень корреляции между законопослушанием, принятием общепризнанных ценностей и реализацией успешных практик. В России пока ничего подобного не наблюдается.

В целом мобилизационный потенциал запроса на справедливость сравнительно невелик. Во-первых, потому что он главным образом адресован власти, а во-вторых, стремление к справедливости в современной России практически никак не сопряжено с солидарностью, готовностью за эту самую справедливость бороться. В этом смысле многие россияне, особенно молодое поколение, очень напоминают американцев, которые, по мнению К. Лэша, жертвуют солидарностью ради иллюзорной надежды на успех. «Они держатся за совершенно далекое от реальности представление об обществе как лестнице, надеяться забраться вверх по которой может каждый, обладающий энергией и честолюбием. Хотя давно уже очевидно, что те, кто забрался по ней раньше, втянули лестницу за собой» [11].

За последние два десятилетия сформировалось поколение людей, которое уже ничего не ждет от властей и готово действовать, что называется, на свой страх и риск. И в то же время имеет место такая индивидуализация массовых установок, в условиях которой говорить о каких бы то ни было солидарных, совместных действиях, а также об осознании общности групповых интересов, не приходится. Это, безусловно, находит свое отражение и в политической жизни страны, чего нельзя сказать, например, о США, где индивидуальная самореализация вполне органично сочетается с широким размахом общественной самодеятельности разного рода общественных инициатив, волонтерства и т. п.

Многие же россияне в последние годы оказались в очень сложном положении, поскольку «политическая демобилизация» и формирование своеобразной культуры неучастия оставили многих из них один на один с государством, с одной стороны, и с многообразием проблем, с которыми люди повседневно сталкиваются, с другой. Впрочем в последнее время ситуация начала меняться. Растет общественная активность различных групп и слоев населения, появились некоторые новые формы низовой гражданской самоорганизации

Началась серьезная переоценка тех стратегий и приоритетов, которые, казалось, вполне оправдали себя в минувшее «сытое» десятилетие. Общество подошло к такому рубежу, когда оно либо окончательно согласится с существующим порядком вещей, либо люди начнут искать пути и способы более активного влияния на окружающую их жизнь. Уже сейчас множество групп имеет собственные экономические, политические и культурные интересы, которые в состоянии влиять на положение дел, как в рамках локальных сообществ, так и в стране в целом. Именно базовые структуры гражданского общества могут стать основой для мобилизации демократических сил и их активного участия в процессе модернизации политической и общественной жизни, тем более что это соответствует ожиданиям и настроениям большинства населения страны.

Литература

- 1 Красин Ю. А. Демократия перед вызовами: модификация или смена парадигмы? // Россия реформирующаяся: Рос. акад. наук, Ин-т социологии. — М., 2007. С. 262.

- 2 Дегоев В. Самоослепление: новая полит. мифология России // Политический журнал. 2006. № 45–46. С. 7.
- 3 Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. — М., 2002. С. 107.
- 4 Фурман Д. Импровизаторы у власти // Независимая газета. 2008. 25 июня.
- 5 Гельман В. В чем виновата культура? // Slon.ru: [веб-сайт]. 2010. URL: <http://slon.ru/blogs/gelman/post/442402>.
- 6 Холмс С. Чему Россия учит нас теперь? Как слабость государства угрожает свободе // Pro et Contra. Гражданское общество. 1997. С. 140.
- 7 Россия на новом переломе: страхи и тревоги / Под ред. М. Горшкова, Р. Крумма, В. Петухова. — М.: Альфа-М, 2009. С. 116–117.
- 8 Ципко А. Новая идеология для России // Независимая газета. 2006. 1 февраля.
- 9 Дондурей Д. Без обновления массового сознания социально-экономические преобразования обречены // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние / Под ред. О. Богомолова. — М., 2008. С. 83.
- 10 Эшпай В. Возвращение пуритан // Космополис. 2003. № 2 (4). С.40.
- 11 Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. — М.: Логос, Прогресс, 2002. С. 47.